

На следующее утро в одном из садов позади Гильдии морской торговли, где деревья и цветы росли пышно и густо, служанка вела дорогу, а другой слуга сопровождал Вань Хайфэна. Пройдя по цветочной тропинке, они увидели двоих людей, играющих в шахматы на каменной платформе. Один из них, опираясь на каменный стол, наблюдал за игрой, а другой, стоя рядом, рисовал, время от времени делая ход. Лэ Юй поднял кисть и сказал:

— Если я сожгу твой Зал Зелёного Бамбука, компенсирую тебе это место, как насчёт?

Инь Усяо, заметив приближение Вань Хайфэна, с улыбкой взял фигуру и ответил:

— Отлично. Но у хозяина острова есть гость, так что я, ничтожный лекарь, удалюсь.

Лэ Юй даже не поднял голову, сначала спросил:

— Как здоровье старого Ваня?

Вань Хайфэн только теперь увидел, что он рисует свиток с изображением красавицы, украшенной пионами, и, нахмурившись, ответил:

— Спасибо за заботу.

Лэ Юй продолжал рисовать и сказал:

— Вчера вечером старый управляющий встретился с другом.

Вань Хайфэн вздохнул:

— От хозяина острова ничего не скроешь.

Лэ Юй повернулся к шахматной доске, сделал ход и произнёс:

— Одолжи ей.

Вань Хайфэн вскрикнул:

— Хозяин острова!

Его глаза расширились. Лэ Юй повторил:

— Одолжи ей.

Губы Вань Хайфэна задрожали, и лишь через мгновение он смог вымолвить:

— Простите, но я не могу этого сделать.

Лэ Юй вздрогнул кистью, испортив брови красавицы на рисунке, и, нахмурившись, сказал:

— Старик Вань...

Вань Хайфэн ответил:

— Деньги — это мелочь, но влияние на Гильдию морской торговли — это серьёзно. По реке Уцзян ходят грузовые корабли с зерном, сто кораблей зерна Гильдия морской торговли может предоставить, как и Павильон Весеннего Дождя...

Он серьёзно добавил:

— Но владелец Павильона Весеннего Дождя до сих пор не проявляет никакой активности.

Лэ Юй усмехнулся:

— Третий молодой господин Гу слишком умен, чтобы в такое время пойти против воли императора и поддержать князя Цзинчэна, навлекая на себя беду.

Лэ Юй остановил кисть и, глядя на рисунок, сказал:

— Если бы не острая необходимость в человеке, который мог бы управлять отделением в Южной Чу, я бы давно отпустил тебя на покой. Я помню, что ты поздно стал отцом в пятьдесят два года, и твой сын слаб здоровьем, каждую ночь, независимо от времени года, ему нужны две пятнадцатилетние служанки, чтобы согреть его своим теплом.

Вань Хайфэн задрожал всем телом, услышав это, и, опустившись на колени, молчал, а затем с горечью произнёс:

— Действительно, от хозяина острова ничего не скрыть.

Уже десять лет он ежегодно присваивал часть прибыли Гильдии морской торговли. Он сопротивлялся рискам, на которые хотел пойти Лэ Юй, не только ради благополучия острова Пэнлай, но и потому, что не хотел терять источник дохода. Лэ Юй не стал помогать ему подняться, а долго смотрел на красавицу на свитке и сказал:

— Ты умеешь тратить деньги — это хорошо. Деньги, которые Гильдия морской торговли получает от князей, — это народные средства. Взятые у народа однажды вернутся к народу.

Вань Хайфэн вдруг почувствовал, что слова Лэ Юй звучали с огромной властью, и, подняв глаза, заметил, что помимо Цици на его поясе висит деревянная табличка. На лицевой стороне был изображён туманный остров с виднеющимися зданиями, а на обратной — две строки стихов: «Где находится Пэнлай? В пустоте Южного моря».

Эта неприметная табличка была Приказным жетоном Пэнлая, которым все предыдущие хозяева острова отдавали приказы за пределами Пэнлая. Лэ Юй слишком уважал свою мать и до сих пор считал, что жетон принадлежит ей, поэтому никогда не носил его. Все знали это и называли его молодым хозяином, но теперь он действительно вступил в свои права.

Вань Хайфэн, разоблачённый в присвоении прибыли отделения в Южной Чу, почувствовал себя униженным, но в Лэ Юй он увидел того хозяина острова, которым восхищался в детстве, — деда Лэ Юй. Слёзы потекли по его лицу, и он сказал:

— Приказывайте, я подчинюсь.

После того как Вань Хайфэн ушёл, Инь Усяо вошёл, улыбаясь:

— Ты сегодня позвал меня не только для игры в шахматы, верно?

Лэ Юй ответил:

— В последнее время... я чувствую себя неважно.

Инь Усяо заинтересованно взглянул, уголки его губ приподнялись:

— О?

Лэ Юй продолжил:

— Когда я пытаюсь собрать ци, в груди возникает острая боль, а во сне я слышу странные голоса.

Это был тот пронзительный голос, который звал его «отец, отец...» Инь Усяо не спешил брать пульс, а просто положил подушку для пульса и кивнул:

— Судя по времени, это должно было случиться.

Лэ Юй, чувствуя внутреннее беспокойство, спросил:

— Что?

Инь Усяо спокойно ответил:

— После того случая в Саду Гэнъе я предупреждал тебя, что это может привести к рождению ребёнка, но ты не слушал.

Он положил три пальца на руку Лэ Юй и сказал:

— Поздравляю, пульс подтверждает беременность, и судя по пульсу, это будет мальчик. У тебя будет наследник.

Лэ Юй уже начал злиться, его голос стал низким и насмешливым:

— Инь Усяо, ты с ума сошёл от медицины. У мужчин не может быть беременности.

Инь Усяо улыбнулся:

— Если даже невероятный, несуществующий любовный гу может быть на тебе, ты всё ещё считаешь, что мужчины не могут рожать детей?

Лэ Юй считал это абсурдом и сказал:

— Хорошо, ты думаешь, я не умею брать пульс?

Он положил руку на своё запястье, сосредоточился, и через несколько мгновений его пульс стал хаотичным, как будто он падал в пропасть. Он не мог поверить:

— Как это возможно!

Он задержал дыхание, отпустил руку и попробовал снова — пульс был плавным, как будто шарик катился по поверхности. Он попробовал трижды, и пульс на запястье отличался от пульса на предплечье. Он немного разобрался в пульсе и знал, что это означало. Этот абсурд накрыл его с головой, мир закружился, и он засмеялся от ярости. Смех превратился в крик, он ударил ладонью по столу, и каменный стол раскололся пополам, раздался громкий грохот, пыль и камни разлетелись вокруг. Слуги за пределами сада не осмелились войти. Инь Усяо едва успел отскочить и сказал:

— Раз уж это случилось...

Лэ Юй повернулся к нему, сжав пальцы в когти:

— Ты скажешь ещё хоть слово?

Инь Усяо, испугавшись, замолчал. Лэ Юй после инцидента в Саду Гэнъе стал одержимым, его характер изменился, и он стал непредсказуемым.

Он сжал кулак, не двигаясь, Инь Усяо тоже не решался пошевелиться. Прошло довольно много времени, прежде чем Лэ Юй постепенно пришёл в себя, подавив ярость, и спросил:

— Что же это за любовный гу?

Инь Усяо вздохнул:

— «Минлин имеет потомство, гуоло несёт его» — это строка из «Малых од». Ты наверняка слышал её. Этот любовный гу — разновидность минлин.

Древние считали, что гуоло — это существа, у которых есть только самцы, и они не могут производить потомство, поэтому они берут минлин в качестве своих детей. Инь Усяо продолжил:

— То, что люди называют «минлин», уже не то, что описано в «Шицзине». Только Король гу с Небесных гор нашёл пару мутировавших минлин и вырастил их как любовный гу. Мужчина с

мужчиной, женщина с женщиной или даже те, кто не может иметь детей, если они посадили минлин, после соития обязательно получают потомство. Это «потомство» — это...

Он немного замешкался:

— Яйцо минлин. После соития яйцо переносится самцом, и через два месяца оно созревает. Затем его извлекают из брюшка самца. После этого ищут беременную женщину на четвёртом месяце и помещают яйцо в её утробу. Личинка питается плотью плода, и когда наступает срок, рождается ребёнок минлин.

Лэ Юй почувствовал тошноту и спросил:

— Так что это за ребёнок? Человек или... насекомое?

Инь Усяо спокойно ответил:

— Медицина и магия — это одно и то же. Если судьба не дала тебе детей, но ты всё равно хочешь их, это всегда связано с одержимостью. Ребёнок, рождённый таким образом, — это скорее воплощение одержимости родителей, чем человек или насекомое.

Он сделал паузу и добавил:

— Я могу извлечь яйцо. Но для этого нужно вскрыть грудную клетку и сердце. Подумай об этом.

Лэ Юй резко сказал:

— Не нужно думать. Зачем ждать, сделаем это сейчас.

Инь Усяо ответил:

— Тогда я приготовлю анестезию.

Лэ Юй возразил:

— Не нужно.

Он хотел всё почувствовать. Инь Усяо почувствовал тяжесть в сердце, подумав: «Ты мне уже не доверяешь». На его лице появилась тень печали.

В закрытой комнате Инь Усяо спокойно вымыл руки, на простыне лежали двенадцать маленьких ножей, выстроенные в два ряда. Он поочерёдно погружал ножи в лекарственный раствор, проверяя их остроту гладкими ногтями. Лэ Юй лежал, его тело было мощным и мускулистым, с тёплой и крепкой грудью, на которой виднелись старые шрамы. Хотя он был словно высечен из мрамора, это всё же было живое тело. Остриё ножа коснулось груди, и, как только он надавил, кожа рассеклась, из раны хлынула кровь.

Инь Усяо спокойно сказал:

— Если не выдержишь, скажи, потеряешь сознание — и уже не очнёшься.

На каменной кровати остались глубокие следы от пальцев, но Лэ Юй не издал ни звука. Инь Усяо вставил руки в разрез, нащупал кость и, раздвинув пальцы в горячей крови, раскрыл грудную клетку.

Лэ Юй был весь в поту, Инь Усяо нашёл место, где находился гу. Это была маленькая серебристая личинка с крыльями и острым рогом на голове. Она извивалась под ножом, рог напрягся. Лэ Юй, истекая потом, почувствовал, как личинка начала жужжать, её тело покрылось тонкими кровяными нитями, которые соединились с мембраной сердца, не позволяя отделить её. Инь Усяо задумался, подняв нож, и вдруг увидел, как плоть перед ним задрожала. Лэ Юй, стиснув губы, сказал:

— Неудивительно, что Король гу с Небесных гор не хотел, чтобы я знал, где он похоронен.

<http://bllate.org/book/15272/1348100>